

The book cover features a purple background with a decorative border of dark oak leaves and acorns. The text is centered and presented in a clean, white, serif font. At the top, it identifies the author as a laureate of the Buker Prize. The author's name, A.S. Bayett, is prominently displayed in the upper half. The title, 'Ragnarök', is in the lower half, followed by a descriptive subtitle in Russian.

Лауреат
Букеровской премии

A.S.
БАЙЕТТ

РАГНАРЁК

Скандинавские боги
так странно похожи на людей

Антония Сьюзен Байетт

Рагнарёк

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67189113

Рагнарёк / Пер. с англ. Ольги Исаевой: Лайвбук; Москва; 2022

ISBN 9785907428195

Аннотация

«Рагнарёк» – книга из серии древних мифов, переосмысленных современными писателями из разных стран, среди которых Антония Сьюзен Байетт, Али Смит, Давид Гроссман, Су Тун, Ольга Токарчук, Виктор Пелевин и др. Острая, лирическая, автобиографическая книга о пятилетней девочке, эвакуированной во время Второй мировой войны из Лондона в сельскую местность. Она переживает за отца, военного летчика, чья судьба трагически не ясна, и читает книгу скандинавских мифов. Страшные и одновременно поэтические истории о дереве Иггдрасиле, волке Фенрире, змее Ёрмунганде, коварном боге Локи венчает миф о Рагнарёке, гибели богов. Только после чудовищной смерти и разрушения мир может начаться заново.

Содержание

От переводчика	5
Об именах	6
Тоненькая девочка и большая война	7
Гибель Мира	11
Иггдрасиль[6]: Мировой Ясень	17
Рандрасиль[9]	24
Номо homini deus est[10]	30
Асгард	44
Номо homini lupus est[21]	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

А. С. Байетт

Рагнарёк

A.S. Byatt

Ragnarok: The End of the Gods

Copyright © 2011 by A.S. Byatt

© Ольга Исаева, перевод на русский язык, 2021

© Издательство «Лайвбук», оформление, 2021

От переводчика

Читатель, знакомый со скандинавским фольклором, должно быть, удивится, встретив на страницах этой книги морское древо Рандрасиль или змею Ёрмунганду вместо привычного змея. Образ Одина, принявшего муки, чтобы дать людям знание, тоже может показаться непривычным в этом новом изложении. Но в ткань древнего мифа здесь вплетен опыт девочки, читавшей о Дикой охоте под гул немецких бомбардировщиков, и женщины, которой довелось осмыслить этот опыт в духе собственной писательской мифологии.

При работе я обращалась к текстам Старшей и Младшей Эдды в переводе А.И. Корсуна, О.А. Смирницкой, С. Свириденко (С.А. Свиридовой) и к немецкому переложению В. Вегнера. Я выражаю глубокую благодарность своим предшественникам и многочисленным исследователям скандинавского фольклора, чьи работы мне посчастливилось прочесть. Имена, кеннинги и названия даны в соответствии с переводом А.И. Корсуна под редакцией М.И. Стеблин-Каменского.

Ольга Исаева

*Посвящается моей матери, К.М. Дрэббл,
подарившей мне книгу «Асгард и боги»*

Об именах

Эта история сплетена из множества историй на многих языках: исландском, немецком и других. Имена героев могут разниться от мифа к мифу. Например, Идуна – то же самое, что Идун. Мне интереснее использовать разные написания, чем пытаться достичь искусственного единообразия. Миф меняется в зависимости от того, кто его рассказывает. Какой-то одной, «правильной» версии мифа попросту не существует.

Тоненькая девочка и большая война

Жила на свете тоненькая девочка. Когда началась Мировая война, ей было всего три года. Девочка помнила, хоть и

смутно, время без войны. Мама часто говорила ей, что тогда вдоволь было и меда, и сливок, и яиц. Девочка была бледная и щуплая, как саламандра, с волосами, легкими, как просвеченный солнцем дымок. Старшие вечно твердили ей: не делай того, не делай этого – «потому что война». Так и шли вместе война и жизнь. Но вот парадокс: может быть, девочка осталась жива именно потому, что взрослые увезли ее из большого города, где заводы варили сталь и множество труб дымило в пропитанном серой воздухе, в провинциальный городок настолько крохотный, что враг навряд ли стал бы его бомбить. С тех пор она росла в скромном раю английской природы. В пять лет каждый день проходила две мили до школы и обратно через луга, заросшие желтыми баранчиками, лиловой викой, золотыми лютиками и ромашками, – луга, обведенные живой изгородью¹, где густо было сперва от цветов, а потом от ягод: тёрна, боярышника, шиповника. В изгороди тут и там высились ясени. Когда на них набухали черные как смоль почки, мама девочки говорила: «черней, чем почки ясеневы в марте»². В маминой судьбе тоже случился парадокс: с началом войны она обрела право на жизнь разума и теперь учила в школе мальчишек – а мальчишки попались ей способные. Прежде замужним женщинам это бы-

¹ Автор описывает разновидность живой изгороди, в которой кроме кустов встречаются и деревья. У такой изгороди может быть деревянная или металлическая калитка. (Здесь и далее прим. перев.)

² Строка из стихотворения английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892) «Дочь садовника».

ло запрещено. Девочка очень рано выучилась читать. Мама бывала ближе и добрей, когда речь заходила о замысловатых сцеплениях букв на бумаге. А отец – отец был далеко. В небе тоже шла война, и он был там, где-то над Африкой, Грецией, Италией, в том мире, который найдешь лишь в книгах. Отца девочка помнила: его волосы, рыжие с золотом, и ясные синие глаза, как у бога из древних мифов.

Девочка знала где-то на глубине – хоть и не смогла бы это высказать – что взрослые живут в страхе неотвратимой беды. Весь привычный им мир стоял на краю гибели.

Зеленый рай английской провинции не погиб, как многое другое, не был втоптан в грязь армейскими сапогами. Но страх не кончился, даром что взрослые пытались его скрыть.

В душе девочка знала, что отец, ясноглазый и золотой, не вернется никогда. А взрослые в конце каждого года цедили по глоточку сидр за его возвращение. Девочка не смогла бы этого высказать, но в ней нарастало самое настоящее, горькое отчаяние.

Гибель Мира

Начало

Как что-то возникло из ничего? – вопрос старинный, занимавший девочку больше, чем ее собственное появление на

свет (впрочем, может быть, это сейчас так кажется). Девочка с неутолимой жадностью поглощала сказки. Черненькие на белом значки складывались в горы, оборачивались деревьями, лунами, звездами, драконами, карликами. Целыми лесами вставали они – там обитали волки и лисы, там обитал мрак. Шагая через луга, девочка сочиняла собственные сказки с яростными всадниками и темными пучинами, с добрыми лесными чудами и коварными ведьмами.

И вот однажды, став уже чуть постарше, она повстречала книгу под названием «Асгард и боги». Книга была увесистая, в зеленом переплете, с удивительной картинкой, которая, казалось, вот-вот сорвется с обложки и улетит: среди туч и зазубренных молний мчит верхом Один со своей Дикой охотой, а из устья подземной пещеры с тревогой следит за ним карлик в мягком колпаке. В книге было множество загадочных, невероятно тонких и подробных гравюр: волки и бурные реки, призраки и парящие девы. Это была ученая книга, в свое время мама девочки готовилась по ней к экзаменам по древнеисландскому и древнескандинавскому языкам. И, как ни странно, написал ее немец, доктор Вильгельм Вегнер. Девочка, привыкнув прочитывать книги от корки до корки, не стала пропускать введение: автор в нем грезил о возрождении «исконного германского мира с его чудесами и тайнами». «Германский» значит «немецкий», «немцы». Тут была загадка. Тоненькой девочке снились страшные сны: немцы швырнули ее родителей в зеленую яму в темном лесу, а сами

залезли к ней под кровать и пилят ножи, чтоб добраться до нее и убить. Значит, были какие-то другие, исконные немцы? Не только те, что сновали по ночам в небе, сбрасывая на людей смерть?...

Еще в книге говорилось, что это истории нордических народов, то есть, северных: норвежцев, датчан, исландцев. Девочка, живя на севере Англии, привыкла считать себя северянкой. К тому же их края в свое время были под викингамми. Получалось, что это – ее истории. Книга превращалась в страсть.

Девочка часто читала по ночам, тайком, под одеялом с фонариком или в тусклом луче, проникавшем в дверную щелку из освещенного коридора, где окна были завешены светомаскировкой. Еще одну книгу она читала и перечитывала: «Путь Пилигрима» Джона Беньяна³. Пилигрим искал дорогу в Грядущий мир. Он нес мучительное бремя грехов – у девочки даже кости ныли от этой тяжести. Вместе с ним она увязала в Топпи уныния, странствовала в лугах, и в горах, и в Долине Смертной Тени. Вместе с ним противостояла Великану Отчаяния и адскому демону Аполлиону. Но книга Беньяна имела ясный посыл. С «Асгардом» все было не так просто: тут целый мир таинственно возникал, наполняясь существами колдовскими и могущественными, а потом приходил к концу. Это был конец настоящий. Послед-

³ *Джон Беньян* (1628–1688) – английский протестантский проповедник, религиозный писатель.

няя страница, за которой – ничего.

На одной из картинок в «Асгарде» были изображены Исполиновы горы⁴: в ущелье бежит река, над ней вонзаются в небо каменные колонны, ни на что живое не похожие. А среди колонн – люди или скалы? Бугроватые головы без лица, руки-обрубки... Один из склонов покрыт серой щетиной леса. На ближнем берегу реки едва видимые люди-муравьишки задрали головы кверху, смотрят. Странные каменные создания укутаны длинными клоками тумана... Девочка прочла рядом:

«Подобно всем прочим, мифы о великанах и драконах создавались постепенно. Сначала эти странные существа напрямую отождествлялись с предметами и явлениями природы. Позже у них появились обиталища: скалы и расселины. Наконец, обретя личность, они переселились в собственное королевство Ётунхейм».

Разглядывая картинку, девочка ощущала странное, острое удовольствие. Она знала, хоть и не смогла бы это облечь в слова: дело в тончайшем соотношении точности и гадательности рисунка. Глаз должен был потрудиться, чтобы скалы ожили, и они оживали – всякий раз по-новому, как и задумал художник. Девочка знала, что увиденный издали куст или пень может на миг превратиться в клыкастого пса, готового прыгнуть, а длинная ветка – в змею с блестящими глазами и трепещущим раздвоенным жалом.

⁴ *Исполиновы горы* – горный массив на границе Чехии и Польши.

Так и видели мир люди во дни, когда рождались боги и чудища.

Девочка думала о каменных великанах, и мир наполнился тревожной и своевольной силой. Ей хотелось сочинять собственные истории. Детей готовили к бомбардировкам, а в окошки ее противогАЗа заглядывали бугроватые каменные головы, ждавшие, когда она придумает им лица.

Каждую среду младшеклассники ходили в местную церковь на уроки Священного писания. Викарий был добрый человек, в цветное витражное окошко у него над головой лился свет.

В церковных брошюрках были картинки и песни об Иисусе смиренном и кротком⁵. На одной из них богочеловек проповедовал милым и прилежным малышам: кроликам, олененку, белке, сороке, и его лесная паства казалась более настоящей, чем он сам. Девочка смотрела, пыталась найти в себе что-то в ответ – и не могла.

Их учили молитвам. Девочка чувствовала, как слова ватными облаками уплывают в пустоту, и казалась себе испорченной.

Для ребенка она мыслила весьма логично и потому не понимала, как Бог, которому они молятся, такой добрый и милосердный, мог рассердившись затопить целый мир или обречь единственного Сына на отвратительную смерть ради людей, которым она, похоже, не принесла ничего хорошего.

⁵ Отсылка к Евангелию от Матфея (11:29).

Вот и сейчас шла война, и девочка боялась, что она никогда не кончится. Вражеские солдаты были злодеи, лишенные спасения. Или просто люди, которым тоже больно.

Девочка думала, что Бог – то ватно-благостный, то кроваво-жадный по-язычески – такая же выдумка, как живые камни в Исполиновых горах. Ни та, ни другая ипостась его не сподвигала ее сочинять истории, не питала воображение. Наоборот, все в ней как-то глохло и притуплялось. Девочка укоряла себя: мол, такие мысли бывают только у испорченных детей. Она – как Невежество у Беньяна, веселый юноша, провалившийся в яму у самых Врат небесных. Девочка очень старалась думать как положено, но воображение ее стремилось прочь, туда, где все было – жизнь.

Иггдрасиль⁶: Мировой Ясень

⁶ Иггдрасиль значит «Скакун Одина», это один из многочисленных кеннингов – поэтических обозначений самых разных вещей, встречающихся в скандинавском фольклоре. Игг – одно из имен Одина.

Я знаю древо, имя ему Иггдрасиль – Власатое древо, орошаемое переливчатым облаком⁷.

В начале было Древо.

Шар каменный мчал сквозь пустоту. Под его корой пылал огонь. Скалы плавилась, клокотали газы, лопались пузыри. Вода, густая, насыщенная солью, льнула к шару, и слизь перетекала по нему, и в ней шевелились уже существа. У шара любая точка центр, и в центре всего было Древо. Оно скрепляло мир: воздух и землю, свет, мрак и разум.

Древо было создание непомерное. Оно запускало в толстый дерн слепые корешки-иголки, а следом тянулись нити, веревки, канаты: шупали, цапали, шарили под землей. И еще три особенных корня мощно простирало Древо. Один – под долы и горы Мидгарда, Срединной земли. Второй – в Ётунхейм, обиталище ледяных великанов. Третий – в самый низ, во мрак, в сырые туманы Хель.

Высокий ствол ширился: кольца распирала его, разрасталась изнутри. Ближе под кожей его теснились каналы, тянули наверх воду, и она прозрачными столбиками подымалась к кроне. Древо гнало воду в листья, а те, развернувшись встреч солнцу, из света, воды, воздуха и земли творили новую зелень. Зелень шевелилась на ветру, впивала дождь, кормилась светом. К ночи свет тускнел, и тогда Древо отдавало его обратно, недолго лучась в сумерках, как бледная лампа-

⁷ Перевод наш.

да.

Древо ело и было поедаемо, питалось и само служило пищей несчетным существам. Великанская сеть его корней была изнизана и спелената тонкими нитками грибниц. Они разъедали корни, забирались в ячейки древесины и сосали из них жизнь. Только изредка эти сытые существа пробивались наверх сквозь лесной войлок и кору и тогда взбухали грибами полезными и ядовитыми: мухоморами с алой кожной шляпкой в белых бородавках, или бледными хрупкими зонтиками, или просто слоистыми наростами на коре. А то надувался на толстой ножке гриб, называемый «дедушкин табак», чтобы лопнуть потом и рассеять дымком споры-семена. Грибы кормились корой и корнями, но зато питали Древо собой: крошечные частички их возносились вместе с водой по каналцам.

И было великое множество червей: толстых, с палец, и тонких, тоньше волоска. Тупыми головками они зарывались в лесной войлок, ели корни и, переварив, выделяли пищу для корней. В чешуйках коры деловито сновали жуки: точили и грызли, кормились и плодились – жуки, сияющие, как золото и медь, бурые, как мертвая древесина. Толстые личинки их лакомились корой, а дятлы долбили кору и лакомились личинками, вспыхивая меж ветвей зеленым, пунцовым, черным, белым, алым... Висели на шелковинках пауки, тонкой работы сети раскидывали на жучков и бабочек, мягкокрылых мотыльков и гарцующих кузнечиков. Муравьи то обезу-

мевшими армиями устремлялись вверх по стволу, то мирно пасли, поглаживая щупиками, стада тли, от которой они умеют получать сладкий сок. Там, где ветви отходили от ствола, в ложбинках собиралась вода и получались озерца, по краю опущенные мхом. В озерцах плавали пестрые древесные лягушки, метали нежную пузырчатую икру, заглатывали молодых червячков, а те дергались и закручивались винтом. Среди ветвей пели птицы и в укромных местечках строили себе жилища. Каких тут только не было гнезд: и глиняные шарики, и волосатые мешочки, и корзинки, мягко выстланные сухой травой. И не было места на Древе, где никто бы не скоблил его челюстями, не долбил, не бурил, не жевал, не урывал бы себе кусочек...

Ходили рассказы о созданиях, обитавших в могучих ветвях. На самой верхушке сидел великанский орел, равнодушно выпевая песни о былом, настоящем и грядущем. Звали его Хрёсвелъг – Пожиратель плоти. Когда орел взмахивал крыльями, дули ветры и выли ураганы. Между глаз его сидел дивный сокол Ведрфёльнир. Огромные ветви Иггдрасиля служили пастбищем четырем оленям: Даину, Двалину, Дунейру и Дуратрору. С ними паслась коза Хейдрун, чье вымя было полно хмельным медом. Белка-гонец, Рататоск-Грызозуб, деловито сновал по стволу, перенося вести и брань между орлом на вершине и недреманным Нидхёггом, черным драконом, обвинившим подножье Древа⁸. Целый выводок червей оплетал дракона. Дракон грыз корни, а они отрастали вновь.

Древо было непомерно. На нем виселись, полускрытые листвой, великолепные чертоги. Оно было целый мир.

У подножья его чернел источник, чья темная вода даровала испившему ее мудрость или, на худой конец, ответ на вопрос. У источника сидели норны – три сестры, знающие судьбу. Откуда пришли они? Говорят, что из Ётунхейма. Урд видела прошлое, Верданди настоящее, а Скульд вперяла взор в будущее. Источник тоже назывался Урд, что значит «прошлое». Сестры были пряжами: они пряли нити судьбы. А еще

⁸ Вместе служа миру Эдды, Хрёсвелъг и Нидхёгг пребывают в постоянной ссоре.

садовницами и хранительницами Древа – поили Ясень темной водой источника и питали его чистой белой глиной, называемой «аур». Так дерево гнило и распадалось с каждым мгновеньем. Так оно всякий раз обновлялось.

Рандрасиль⁹

В подводных лесах рос бурый Рандрасиль – исполинская

⁹ *Рандрасиль* – кеннинг, означающий «Скакун Ран». Ран – норвежская богиня бурного моря.

водоросль, Морское древо. Он крепко цеплялся за подводную гору толстой развилкой на конце таллома-ствола, а сам таллом, прямой мачт и выше божьих чертогов, тянулся с глубины на поверхность, то стеклянисто-недвижную, то взбиту ветрами, то плещущую ленивой волной. Там, где вода сходилась с воздухом, таллом раскидывал пышные ленты, каждую из которых снизу поддерживал пузырек с газом. Как листья у Иггдрасиля, эти ленты были испещрены зелеными клетками, которые впивали свет. Невидимо для нас свет содержит в себе все цвета. Морская вода поглощает красный свет. Пылинки и разный плавучий сор – синий. На большой, тусклой глубине водоросли по преимуществу красные, а там, где их полощет прибой, где они лепятся к омытым морем выступам скал, – там увидишь и ярко-зеленые, и переливчато-желтые. Морское древо непрестанно росло: не успевала оторваться одна лента, как на смену ей вытягивалась другая, и вот уже от нее млечными и зелеными облаками растекались споры-детеныши, крохотные существа, что плывут себе, пока не найдут камень, чтоб за него уцепиться. Как и в ветвях земного Древа, здесь, в подводных зарослях, бесчисленные обитатели поедали других и сами были поедаемы.

По Древу морскому ползали улитки и водяные слизи, скребли его игольчатыми язычками-радулами, соскребали крупницы жизни. Там, где наверху густо ветвился таллом, приросли к нему губки. Они всасывали воду вместе со всякой мелочью и гнали через себя: съедобное в пищу, осталь-

ное – вон. Актинии, прилепясь к водорослям, открывали и закрывали мясистые, бахромчатые рты. Тут же обедали создания панцирные и клешнястые: креветки, омары с шипами на броне, звездчатые змеехвостки, перистые морские лилии. Перекатывались шариками, жуя на ходу, морские ежи. А сколько было разных крабов! Фарфоровый и каменный, песчаный и сухопутный, стригун и плавунец, волосатый, лягушачий, длинноглазый. И у каждого были свои владения.

В изобилии водились тут морские огурцы, бокоплав, мидии, морские желуди, бочоночники и верткие щетинистые черви. Все они поедали Древо, все кормили его своими выделениями, а со временем и останками.

В подводных чащобах бесчисленные существа качались в воде, скользили и реяли, охотились и от охотников прятались. Тут рыба плоть подделывалась под водоросль: рыба-черт, укутанная плавучими зелеными вуалями, становилась похожа на саргасс. Другая рыба, голомянки-лиры, за страхолудие прозванная драконом, висела в воде среди шалей и знамен – ни дать, ни взять безвредный карраген, потрепанный морем. А еще были рыбы великанские, с плоскими телами-лезвиями: у них чешуя на гибких боках преломляла свет, прошедший сквозь воду, и они меняли цвета, оставаясь тенями, тающимися в тени.

Морское Древо стояло среди подводных кущ. Пузырчатые водоросли разворачивали свои непомерные полотнища рядом с морским виноградом, морским салатом и морским

мхом. Тут же рос чертов фартук и зеленые площадки на тонких ножках, которые называют еще «русалкин кубок». Мимо плыли стаи больших и малых рыб. Тугими кольцами кружили полчища сельдей, серебряными табунами пронесился тунец. Свершал свое долгое странствие лосось всех мастей: чавыча, кижуч, нерка, горбуша, кета и сима. Среди водорослей паслись зеленые черепахи. Рыскали обтекаемые, гладкие акулы, и было их множество: акула-лисица и акула-собака, ночная акула, леопардовая, песчаная, а еще ламна, мако и галеус. Акулы – хищницы из хищниц, охотницы на охотников.

Кашалоты выдирали из темных глубин гигантских кальмаров, голубые киты пластинами в непомерном рту отцеживали планктон. Как и у Ясеня земного, у морского Древа в кроне селились всевозможные создания. Морские выдры устраивали в ветвях колыбельки и качались в них, деловито вертя в хищных лапках морских ежей и разную панцирную мелюзгу. Дельфины плясали и пели, щелкали и свистали. Морские птицы, ныряя, стрелами пробивали морскую гладь. Солнце и луна то тянули воду к себе, то отпускали. Волны всползали на гладкий песок, устремлялись в узкие фьорды, разлетались о скалы бело-кружевной пеной, бежали гладкими высокими валами, блуждали в рукавах речных дельт.

Морское Древо крепко цеплялось за склон подводной горы на самой глубине, куда едва достигает слабый свет солнца и луны. Но были те, кто таился еще глубже: порождения мрака, чьи плоские тела, чьи головы, шиповатые или мяси-

стые, освещались словно бы фонарями. Те, кто ловил добычу на леску из собственной плоти, чьи глаза в густой черноте горели огнем.

У подножья Мирового ясеня есть источник Урд с недвижимой, холодной, черной водой. У подножья Морского дерева темнеют каменные жерла, свистящие паром и плюющие лавой, уходящие к раскаленному сердцу земли. Тут тоже ползают в темноте черви и бледные креветки поблескивают стеклянистыми щупиками. И как норны сидят у источника и питают Древо, так Эгир и Ран сидят среди потоков, вихрящихся у подножья Рандрасиля. У Эгира – многострунная арфа и переливчатая раковина. Эгир играет песни, от которых киты и дельфины замирают, прислушиваясь к эху в гулких камерах своих черепов. Эти звуки, как масло, разлитое по воде, облекают ее покоем тусклым или блёстким: сверху глянешь – искрится, а с глубины – словно зеленое стекло над головой. Знает Эгир и другие песни. От них вскипают течения и волны встают языками высотой с сам Рандрасиль: стеклянисто-зеленая, базальтово-черная водяная громада замирает на бесконечный миг, а потом рушится, взбрасывая клочья пены и мириады пузырьков.

Ран, жена Эгира, играет огромной сетью, ловит в нее мертвых и умирающих созданий, что падают в густые придонные глубины. А иные говорят: не мертвых – а замороженных звуками, взмывающими со дна. Что делает она с костями, кожей и плотью, никто не знает. Ходит слух, что зарывает в

песок, подкармливает тех, кто копошится еще ниже дна. И другой ходит слух: самых красивых – мерцающего кальмара, заплывавшую морскую змею, синеглазого морехода с ясным золотом волос и бирюзовой серьгой – оставляет Ран в садике своем среди водорослей для услады взора. А сама она такая, что стоит кому взглянуть, – ничего уж, кроме нее, не видит и никогда не вернется рассказать о ней.

Homo homini deus est¹⁰

для тоненькой девочки все так же тянулось военное время, и она размышляла: как что-то могло появиться из ни-

¹⁰ Человек человеку бог (*лат.*)

чего? В истории, что рассказывали в каменной церкви, верховный дед, не терпевший маленьких выскочек, шесть упительных дней провел, сотворяя все на свете: небо и море, солнце и луну, деревья и водоросли, а еще верблюда, коня, павлина, собаку, кошку, червяка... И всякая тварь радостно пела ему хвалу. Ангелы день-деньской только его и славили. Но потом дед сотворил себе новых любимцев -

людей, повелел им знать свое место и ни в коем случае не есть плод познания добра и зла. А они все-таки съели. Девочка прочла достаточно сказок и потому не сомневалась: в любой истории запрет на то и нужен, чтобы кто-то его нарушил. Адам и Ева обречены были съесть яблоко. Верховный дед вел нечестную игру и был весьма доволен собой. А девочке никто тут не был близок. Разве что змей. Он не просил о роли соблазнителя. Он просто хотел скользить и виться среди ветвей.

А что было в начале историй «Асгарда»?

*В начале времен
не было в мире
ни песка, ни моря,
земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла¹¹.*

¹¹ Цитаты из Старшей Эдды здесь и далее приведены в переводе А.И. Корсуна, за исключением отдельно указанных случаев, когда текст в оригинале разнится с

У бездны было имя, и девочка все повторяла его: Гиннунгагап. Это было чудесное, упоительное слово.

Бездна была не вовсе бескрайней, ей положен был предел на севере и на юге. Холодный и сырой Нифльхейм лежал в ее северной оконечности – чертог туманов, откуда с ревом стремили двенадцать ледяных рек. К югу был Муспельхейм, где лютовал огонь и клубился дым. Вода несла туда айсберги из Нифльхейма, встречь им пыхал неистовый жар, и они таяли, исходя паром. И вот однажды в смятении паров и обжигающих брызг проступил человеческий облик. То был великан Имир, а иначе: Аургельмир, что значит «кипящая глина» или «каменный реву». Говорили, что слеплен он из чистой белой глины – той самой, которой норны питали Иггдрасиль. Имир был огромен, он был всё или почти всё. Девочка представляла: вот он стоит, широко раскинув руки, расставив ноги. Все тело его лоснится, и почему-то нет лица на шишковатой голове...

В бездне Гиннунгагап жила еще великанская корова Аудумла. Она лизала промерзшие соляные глыбы, и ее вымя наполнялось молоком. Этим молоком питался Имир. Девочка никак не могла это вообразить: слишком уж Имир был непомерен. На его теле почками набухала новая жизнь. Там, где левая рука примыкала к тулову, в ложбине подмышки ро-

дились у него инеем покрытые великаны-хримтурсы, мальчик и девочка. Потом ноги его перевились вместе, и явился в мир еще один мальчик. А корова все лизала горячим языком соль, и вот показались из-под соли сперва кудри, а потом и все тело спящего великана, покрытого инеем. То был Бури, и Бури в свой срок родил Бора, а тот нашел себе великаншу Бестлу (где? – дивилась девочка, у которой в голове было тесно от всех этих великанов). Бор и Бестла родили трех сыновей: Одина, Вили и Ве. Это были первые боги.

Три бога-брата убили Имира и разрубили его на части.

Тоненькая девочка пыталась представить себе его смерть. Чтобы все эти громады поместились в воображении, нужно было их уменьшить. И вот Гиннунгагап превратилась в подобие стеклянного шара с толстыми стенками. Внутри вились волокна тумана, и глиняный человек стоял, раскинув руки и ноги, поблескивал покрытой инеем кожей. Они подкрались к нему, первые боги, и растерзали ногтями, зубами, серпами, крюками... или еще чем-то? Растерзали в клочья – эту фразу девочка знала хорошо. У них не было лиц. У трех богов не было лиц, не было ничего внутри, они перебежали, как черные тени, как исполинские крысы, кромсали, грызли, вертели по сторонам хищными мордами. Убийство было первое, что свершили они на земле, и у него было три цвета: черный, белый и красный – первые цвета, что осознает и назы-

вает человек. Бездна была черная со множеством оттенков и переходов, переливов и пятен. Великан был бел как иней, и только кое-где залегали у него лиловые тени: под мышками, под коленями, в пещерах ноздрей. Новые боги кромсали его и хохотали. Кровь брызгала из ран, струилась по шее к плечам, жаркой и гладкой тканью одевала ему грудь и бока. Текла, текла кровь, переполнила шар багрецом и затопила мир. И не было ей конца – жизни, что раньше подо льдом и глиной бежала по Имировым жилам, а теперь утекала в смерть. В книге про Асгард был миф, где говорилось, что великан Бергельмир построил ладью и в ней пережил потоп, а потом дал начало новому великанскому роду. Миф девочке не нравился: немецкий писатель считал, что, возможно, в нем отозвалось сказание о Ное и его ковчеге. Девочка не хотела ту историю смешивать с этой.

Из мертвого великана боги сотворили мир. Девочка чувствовала, что и это нужно вообразить, но ей было не по себе: по какой шкале мерить такое? Впрочем, она видела туманное сходство между частями растерзанного Человека и тем, что из них произошло.

*Имира плоть
стала землей,
стали кости горами,
небом стал череп
холодного турса,
а кровь его морем.*

Пóтом великана боги наполнили озера, из кудрей его сотворили густые леса. Под высоким сводом черепа Имировы мысли превратились в стаи летучих облаков. По ночам загорались наверху звезды: может, залетели сюда ненароком искры из Муспельхейма, а боги поймали их да приделали к небосводу? А может, это снаружи заглядывал свет в пробоины черепа?

В гниющем теле завелись черви и безногие личинки. Боги сотворили из них карликов, темных альвов, что в родстве с английскими эльфами, и могучих троллей-тугодумов. Так зародились народы пещерные. Из кустистых бровей великана боги смастерили частую изгородь для Мидгарда – Сада Срединной земли. Посреди Мидгарда возвели они себе чертог и назвали Асгард, обитель богов. Самих себя назвали они асами, что означает «столп» или «устой». Асгард был окружен Мидгардом, а Мидгард со всех сторон омывало море крови. За морем лежал Утгард – Кромешная земля, где рыскали немислимые твари.

Еще боги сотворили солнце и месяц, а с ними – время. Земля была труп, прорастающий жизнью, а чаша неба была чашей черепа. Светила тоже имели человеческий облик. Сияя мчалась Соль в солнечной колеснице, запряженной конем Арвакром, что значит «Пробуждающийся рано». У месяца Мани, мальчика ясного, вез колесницу Альсвидер – Быстрейший. Матерь Ночь летела верхом на темном Хрим-

факси с гривой, покрытой инеем, а за ней поспешал ее сын День на Скинфакси с гривой сияющей. Свет и мрак сменяли друг друга, четверо бесконечной чередой проносились под сводом черепа.

За солнцем и месяцем по пятам гнались волки: щелкали клыками, норовя ухватить край одежды, огромными прыжками неслись сквозь пустоту. Это было странно, ведь о сотворении волков в книге ничего не говорилось. Они явились сами собой, темные и свирепые. Они были частью великого мирового порядка. Они никогда не уставали и никогда не останавливались. Мир сотворенный помещался в черепае, и волки искони населяли разум.

Боги построили Асгард, и он был прекрасен. Они смастерили себе орудия и оружие, чаши и кубки, диски для метания и резные фигурки для хитрой игры в тавлеи. И все это было золотое, потому что золото у них не переводилось. Боги явили в мир карликов, троллей, альвов темных и светлых. А потом для забавы, почти ненароком, сотворили людей.

Как это было? Вот как: однажды три бога вышли из Асгарда погулять в зеленых мидгардских полях. Земля украсилась яркой травой попеременно с сочным диким лучком. А боги те были Один, Хёнир и Лодур, который, как говорилось в книге, мог быть лукавцем Локи в другом обличье. Вышли они к морю и увидели: лежат на песке два ствола-обрубка, Аск-ясень и Эмбла-ольха (или вяз, говорилось в книге, или

обрезанная лоза). У Аска и Эмблы ничего не было:

*Не было в них
Ни ума, ни чувства,
Ни крови, ни голоса,
Ни живого румянца¹².*

Этих двоих боги вызвали к жизни. Один вдохнул в них разум, Хёнир чувства, а Локи огненный погнал по жилам кровь и согрел щеки румянцем. Так три бога-убийцы превратились в подателей жизни – конечно, если считать, что Вили и Ве, бесследно пропавшие из этой истории, превратились в Хёнира и Локи. Так думала девочка, давно подметившая, что в сказках и мифах действует Закон трех. У христиан был сердитый дед, хороший человек, которого убили, и белый голубь. Здесь – Один-творец и двое других тоже творцы, чтобы получилось три.

Девочка любила воображать этих новых людей: кожа у них была гладкая, как молоденькая кора, глаза яркие, как сторожкие птицы. Они медленно и удивленно двигали пальцами, расправляли мышцы, словно цыплята или змейки, только пробившие скорлупу. Они, спотыкаясь, учились ходить. Вот впервые разомкнули губы и улыбнулись друг другу. Они ничего еще не ели, эти двое, они совсем недавно были мертвой древесной плотью, но во рту у них полно было

¹² Перевод наш.

крепких, белых зубов, и с каждой стороны выдавались хищные клыки мясоедов. Так сказывается в человеке волк.

Что было дальше с Аском и Эмблой, какие ждали их беды и радости, неизвестно. Как многое в моем рассказе, они возникают на краткое время, а потом истаивают, растворяются снова в бездонной темноте. Один – другое дело, Один бог, творец людей и двигатель повествования. И Локи тоже, если это Локи был в тот день третьим. Девочке хотелось, чтобы это был он: так крепче сцеплялись звенья истории.

Тоненькая девочка в любую погоду шагала через свой луг, и ранец с книгами, перьями и привешенным сбоку противогазом был словно ноша Пилигрима – тот так же шел лугами, сверяясь со своей Книгой. Всю дорогу она крепко думала о том, что значит верить. Она не верила в истории из «Асгарда и богов», но они дымом вились в ее голове, тёмно гудели, как пчелы в улье. В школе, читая греческие мифы, она говорила себе: вот, были люди, которые *верили* в этих капризных и вздорных богов. Но для нее самой эти мифы равнялись обычным сказкам. Кот в сапогах, Баба Яга, брауни¹³, опасные и глупые лепреконы и фэйри, нимфы, дриады, гидры, крылатый белый конь Пегас – все они таили для ума то особое удовольствие, что возникает, когда небыль на краткое время становится правдивей были. Но не эти истории жили у девочки внутри, и сама она жила не ими.

¹³ Английские фольклорные герои, получившие новую жизнь в книгах американского писателя Палмера Кокса (1840–1924).

У церкви была ограда с деревянной калиткой, почти такой же, как в книге у Беньяна, только без каменной арки наверху с надписью: «Стучите, и отворят вам»¹⁴. Мелкими шажками девочка проходила в нее и спешила через внутренний дворик. В церкви снимала ранец с противоголозом и взваливала на плечи иное бремя: требовалось поверить в то, во что она не могла и не хотела верить. Настолько не хотела, что чувствовала это в каждой полости своего тела: в непросто дышащих легких¹⁵, в костяной камере позади глаз. Беньян приискал бы ей за это какое-нибудь жуткое наказание, какой-нибудь котел с кипящим жиром или когтистого демона, что унес бы ее невесть куда.

Викарий кротко и ласково говорил о кротком и ласковом Иисусе. Девочке казалось, что невежливо с ее стороны не верить викарию.

В каменной церкви было очень чисто, пахло полиролью для дерева и латуни. Там жил английский язык. «Отец всемогущий и всемилостивый, мы отошли от путей твоих, как заблудшие овцы. Мы предались без меры вымыслам и желаниям сердец наших. Мы преступили святые законы твои. Мы не совершили должного и недолжное совершали. Мы больны. Господи, смилуйся над нами, жалкими грешниками. Пощади тех, кто кается в грехах своих»¹⁶. Эту молитву девочка

¹⁴ Евангелие от Матфея, 7:7.

¹⁵ В детстве А.С. Байетт болела астмой.

¹⁶ Цитата из англиканского свода обиходных молитв 1662 г. (The Book of

знала наизусть и даже иногда декламировала ее, идя через луг. Она нажимала на отдельные слова, чтобы слышней был ритм, и воображала, как заблудшие овцы озираясь бродят по серому полю. Но символ веры она произнести не могла. Девочка не верила ни в Отца, ни в Сына, ни в Святого духа. Стоило начать говорить, и ей казалось, что она – злая сестра из сказки, у которой во рту и в горле елозят мерзкие жабы.

Девочка торопилась в школу, а потом неспешно брела обратно, растягивая послеполуденную пору. В церкви и в школе они пели:

*Лютики нам золото, дягиль серебро.
И в лесу, и в поле не сочтешь даров.
Веселей алмазов искрится роса,
Бирюзы захочешь – глянь на небеса¹⁷.*

Ей нравилось подмечать, узнавать, давать имена. «Наперстянка» – потому что цветы похожи на наперстки, открыла она, и приятная щекотка пробежала по позвонкам. А вот лютик неясен: что же лютого в этой маслянистой золотой чашечке? И вездесущие одуванчики, сперва свирепо-желтые, с зубчатыми листьями, потом белые: дунешь, и полетят пушинки-шерстинки с черными семенами, похожими на головастики, спящих до поры в полупрозрачных облачках икринок. Весной весь луг покрывался баранчиками. У живых из-

Common Prayer).

¹⁷ Автор гимна – английская писательница Джен Стратер (1901–1953).

городей, где под сенью ясеней спутаны были ветки боярышника, расцветали бледные первоцветы и фиалки разных цветов, от густо-пурпурного до белого с лиловатым оттенком. Мама сказала девочке, что в английском языке слово «одуванчик» – «dandelion» – происходит от французского «dent-de-lion», «львиный зуб». Мама любила слова. Мир цвел ими: куколицей и мать-и-мачехой, мышиным горошком и гадючьим гиацинтом. Вот незабудка, а рядом – разбитое сердце. Вот заплелась в изгородь ядовитая красавка, иначе: бешеная вишня. Воловик и бутень, волдырник и чистотел, медвежьи ушки и кукушкины слезки. Сердечник – от нервных судорог, кровохлебку хорошо к ранкам прикладывать. А журавельник еще называют грабельки. Девочка следила, как они выходят из земли: куртинками проглядывают тут и там на лугу или поодиночке прячутся во рвах, льнут к камням.

У подножья изгороди в зеленой суетлоке кипела жизнь, в основном невидимая, но довольно звучная: она шуршала в старых листьях, она слышала, как прислушивается девочка. А девочка слышала, как чутко онемела птица и затаилась полевка. Следила, как пауки плетут безупречные многоугольные сети или поджидают добычу с узкого конца заманчиво пухлых шелковых воронок. Весной и летом появлялись вдруг целые облака бабочек: желтых, белых, голубых, апельсиновых и черно-бархатных. В полях полно было пчел, гудящих, сосущих сладкий нектар. Ветви и небо населены были птицами. Жаворонок, заливаясь песней, с плоской зем-

ли взлетал все вверх, вверх в синеву. Дрозды подхватывали улиток и разбивали о камни, оставляя за собой ковер из хрустких пустых домиков. Лоснисто-черные грачи расхаживали по траве, каркали, заводили на деревьях дебаты. Огромные стаи скворцов тучами проносились над головой: то, как единое черное крыло, рисовали на небе широкий взмах, то кружили и вились, подобно дыму. Протяжно и переливчато кричали ржанки.

Тоненькая девочка ловила в пруду головастиков и рыбешек-колюшек, которых было там несметное множество.

Собирала охапками луговые цветы: медовые баранчики, короставник в лиловых пуховочках, шиповник – собачью розу. Дома цветы долго не жили, но ее это не тревожило, потому что на месте сорванных всегда вырастали новые – пышно раскрывались, вяли и умирали, а с новой весной возвращались. Они всегда будут возвращаться, думала девочка. И потом тоже – когда меня уже не будет. Наверное, больше всего ей нравились дикие маки, от которых зеленая изгородь делалась алой, как кровь. Хорошо было найти толстенький, готовый уже раскрыться бутон в мелких волосках, разжать ему зеленые губы, вытянуть наружу мятлый, чуть влажный шелк и расправить под солнцем. Где-то на глубине она знала, что не нужно так делать: обрывать зеленую жизнь, нарушать мудрый обряд ради острого любопытства, ради краткого зрелища потаенной, алой, смято-оборчатой цветочной плоти, умиравшей меж пальцев почти мгновенно. Но ведь там остава-

лось еще так много, так много... И все было одно и едино: луг, изгородь, ясень, путаница трав, тропинка, бесчисленные жизни – и тоненькая девочка, скинувшая постылый ранец с привешенным сбоку противоголом.

Асгард

В Асгарде боги ели с золотых блюд и пили мед из золотых чаш. Они до страсти любили тонкую ковку, особенно золотую, и груды безделок и волшебных колец заказывали

карликам в их темных кузнях. Играли друг над другом свирепые шутки, потом ссорились. Выходили к рубежу круглого Мидгарда, бились с великанами, а потом возвращались и сами себе пели хвалебные песни. И христианский рай, и северный казались девочке скучными. Может, потому, что не слишком-то были внятны простым смертным. В церкви дети пели гимн о рае: там было море стеклянное, и святые полагали золотые венцы перед престолом Сидящего¹⁸. Слова были волшебные: золотой венец, море стеклянное. Но вечность угрожала девочке скукой.

Один, повелитель богов, жил в Вальгалле – так звалась обитель эйнхериев, иначе: павших в бою. Вальгалла крыта была золотыми щитами, и было у нее пятьсот дверей. Валькирии, щитоносные девы, носились над полем сражения, забирая героев в миг смерти. Эйнхерии жили ради битв, и после смерти уделом их была вечная битва. Каждый день они сражались друг с другом до смерти, и каждый вечер оживали и пиروвали в Вальгалле жареным мясом вепря Сехримнира. Когда же кости были обглоданы дочиста и последняя капля крови выпита, вепрь, всхрапнув, возрождался столь же бокастый, чтобы на завтра его опять закололи, зажарили, съели, и так без конца.

Девочку била дрожь от восторга и жути. Один был бог недобрый и опасный. Калеченый бог, одноокий, оком запла-

¹⁸ Гимн английского священника Джона Бахуса Дайкса (1823–1876) отсылает к 4 главе Откровения Иоанна Богослова.

тивший за мудрость, выпитую из источника Урд, у которого лежала отрубленная голова ётуна-великана Мимира, много знавшая былей, и мудрых рун, и заклинаний, дающих власть. Один таился, принимал вид старика в сером плаще, шляпу пониже надвигал на пустую глазницу. Один испытывал людей загадками, и горе тем, кто не знал ответа! Его копьё по имени Гунгнир на древке имело руны, открывавшие тайны людей, зверей и всей земли. Оно было вырезано из ветви самого Иггдрасиля и оставило по себе рану и рубец¹⁹.

В книге была картинка: Один во дворце короля Гейррёда. Под видом простого путника Один явился к королю, а тот привязал гостя меж двух костров и стал поджаривать. Картинка была хорошая: темный, таинственный бог сидит на полу среди пылающих сучьев. Он не улыбается и не гневается, он печально задумчив. Восемь ночей провел Один без еды и питья. Наконец поднесли ему рог с пивом, и тогда он запел, все громче и громче, песнь об Асгарде, о воинах Вальгаллы и об Иггдрасиле, чьи корни сплелись с корнями мира. Потом Один назвал себя, и король бросился на собственный меч. Один был непредсказуем. Он принимал в жертву «кровавых орлов»: человека привязывали лицом к дереву, и отпилив от позвоночника ребра, выворачивали наружу легкие. Он и сам принимал муки, от которых становился еще сильнее, мудрее и опаснее.

¹⁹ Эту часть мифа первым поведал автор «Асгарда и богов» Вильгельм Вегнер (прим. авт.).

*Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.
Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена я их поднял —
и с древа рухнул.
Девять песен²⁰ узнал я...*

Один был бог Дикой охоты. Или Свирепого воинства. Мчались по небу кони и гончие, охотники и призраки с мечами и копьями. Они никогда не уставали и никогда не оставались, рев рогов мешался с голосом ветра, копыта стучали, грозные всадники кружили среди туч, как стая чудовищных скворцов. Одинов конь Слейпнир имел восемь ног, и бег его отдавался громом. Ночью, в спальне с окнами, наглухо закрытыми светомаскировкой, тоненькая девочка прислушивалась к звукам в небе: к отдаленному подвыванию,

²⁰ В другой версии – девять заклинаний.

ритмичному рокоту пропеллеров, грому, нависавшему над самой головой, а потом катившемуся дальше. Она слышала взрывы и видела огонь, когда бомбили аэродром рядом с домом ее бабушки и дедушки. Она тогда спряталась в чулане под лестницей – так некогда люди падали плашмя, заслышав приближение Охоты. Один был бог битвы и смерти. Через окраину, где жила девочка, не так-то много проезжало машин. В основном – «колонны», слово, означавшее вереницы тряских, хриплых грузовиков цвета хаки. В некоторых ехали молодые мужчины, дети махали им, и они улыбались, подскакивая на кочках. Это были «наши ребята». Куда они ехали, никто не говорил. Девочке представлялся отец, сторающий в небе над Северной Африкой: вой пропеллеров, огненные волосы, черный, огнем объятый самолет. Так вот она, Дикая охота – легчики в небе, хищное племя. Спешится охотник – рассыплется в пыль, так говорилось в книге. Это была хорошая история, со смыслом. В ней была опасность, ужас и многое такое, что человеку неподвластно.

Днем тихо светились ясные луга. Ночью в небе гудела смерть.

Homo homini lupus est²¹

еще был Локи. Локи – ни то, ни другое. Ни бог, ни великан, ни в Асгарде, ни в Ётунхейме осесть не пожелал. Асы

²¹ Человек человеку волк (*лат.*).

были существа простые: боги бились и пировали, богини кичились красотой, ревновали, завидовали, звенели перстнями да запястьями. Прекрасная Идуна жила среди зеленых ветвей Иггдрасиля и растила для богов молодильные яблоки. Однажды злой великан украл ее вместе с плодами. Тогда Локи превратился в сокола и вернул Идуну домой, принес в могучих когтях. Он один из всех богов умел менять облик. Как-то раз скакал Локи по мидгардским лугам в виде дивной кобылицы и приглянулся волшебному коню великана, клавшего стены Асгарда. Так крепко приглянулся, что в положенный срок разрешился Слейпниром, восьминогим конем, тем самым, который ходил потом под Одином. Это Локи, обернувшись назойливой мухой, украл Брисингамен, золотое ожерелье Фрейи. Это он, чтоб отвести кому надо глаза, доил коров в облике невинной девушки. Локи знал много тайных мест и местечек. Не только вид менял, но и естество с мужского на женское. Локи был верток, словно маслом намазан: с Хеймдаллем-глашателем боролся в виде тюленя. Лососем рвался к вершине водопада и неслышно скользил в толще воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.